

Максим Орлов

Реквием по тишине. Книга 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Орлов

Реквием по тишине. Книга 2

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Реквием по тишине. Книга 2 / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Через 127 лет после Перелома мир изменился: психосфера стала Сетью, а Вопли объединились в Тихий Рой. Кай, немой изгнанник, и Эрга, гончая-шепчущая, находят легендарную гитару «Молчунью», способную пробудить Рой. Отправляясь через смертельные Ржавые Пустоши, они собирают утраченные струны, познавая тайну инструмента и свою судьбу. Битвы с Железными Воплями, фанатичными сектами и собственными демонами приводят их к Сердцу Сети, где решается судьба мира.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

## Глава 1. Чужой звук	5
## Глава 2. Побег в диссонанс	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Максим Орлов

Реквием по тишине. Книга 2

Глава 1. Чужой звук

Часть первая. Камертон и тишина

Гул просыпался раньше города. Кай чувствовал его подошвами — низкую, утробную вибрацию, которая поднималась по костям ног, проходила через таз, позвоночник и затихала где-то у основания черепа. Орган Согласия, главный инструмент Кархадона, начинал утреннюю песнь с первой ноты, ещё нерождённой, только собирающейся в гигантских ртутных лёгких под землёй. Через час эта нота вырвется из труб-башен и накроет весь город куполом Защитной Гармонии. Но пока — только гул. Обещание звука.

Кай открыл глаза. Потолок над ним был низким, каменным, покрытым копотью масляной лампы. В камерке наладчика пахло металлом, старым деревом и той особой, сладковатой гнилью, которую источали больные органные трубы. Он жил здесь семь лет — с тех пор как Орден Чистого Звuka вырвал ему голос и вышвырнул за пределы Хора. Семь лет он просыпался под этот гул, и семь лет этот гул был его единственным собеседником.

Он сел, опустил босые ноги на холодный пол и привычным жестом потянулся к тумбочке. Камертон лежал на своём месте — стальной, поцарапанный, настроенный на ноту «ля» первой октавы. Кай ударил им о край кровати и прижал дужку к кадыку. Вибрация прошла через гортань, через рубцы, оставленные палачами, и родила в голове чистый, ясный звон. Так он проверял, что ещё слышит. Так он начинал каждое утро.

Он не мог говорить. Голосовые связки — то, что осталось от них после обряда Очищения, — превратились в спекшийся рубец. Но слух остался. Более того, он обострился до предела, доступного человеку. Кай слышал, как поёт ртуть в трубах, как скрипят деревянные балки под тяжестью семи этажей, как чешется мышь в подвале тремя уровнями ниже. Город звучал для него, как огромный, расстроенный оркестр. И он, Кай, был единственным, кто мог его настроить.

Он оделся в серую робу наладчика, затянул ремень с инструментами — ключи, щупы, маслёнка с жидким кристаллом, запасной камертон, — и вышел в коридор. Гул под ногами усилился. Орган просыпался.

Кархадон был одним из двенадцати городов-органов Империи Гармонии. Его построили восемьдесят лет назад, на месте старого Глушителя, используя кости до-Переломных зданий и технологии, восстановленные по обрывкам знаний Предтеч. Город состоял из трёх ярусов: Верхний Хор (обитель жрецов-Гармонистов и знати), Средний Регистр (кварталы ремесленников, торговцев и наладчиков вроде Кая) и Нижний Бас (трущобы, шахты и, под ними, Органные Пещеры — гигантские полости, где рождался звук).

Кай работал на Среднем Регистре, но его обязанности часто загоняли его в Нижний Бас, где трубы гнили быстрее всего. Сегодня ему предстояло проверить семнадцатый сегмент — один из самых старых, проложенный ещё при закладке города. Вчера вечером автоматика зафиксировала падение давления на семь сотых октавы. Мелочь, но Гармонисты не терпели мелочей. В Империи Чистого Звuka диссонанс карался смертью.

Он спустился по винтовой лестнице, вырубленной в чёрном камне. Стены были покрыты резьбой — нотными станами, переплетёнными с текстами Литании Подавления. Кай знал их наизусть, хотя никогда не мог произнести вслух. «Звук есть порядок. Тишина есть смерть. Песнь есть жизнь. Диссонанс есть ересь». Когда-то он верил в эти слова. Когда-то он сам был

послушником, распеваящим Литанию в хоре мальчиков, и его голос считался одним из чистейших в Кархадоне. Пока...

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Прошлое умерло. Остался только гул.

Семнадцатый сегмент находился глубоко — на стыке Нижнего Баса и Органных Пещер. Воздух здесь был влажным, пропитанным ртутными испарениями. Кай натянул на лицо респиратор — простую маску с угольным фильтром, какие носили все наладчики, — и двинулся в темноту, ориентируясь по вибрации. Трубы гудели. В них текла жидкая ртуть, разогнанная давлением до скорости звука, и каждая труба пела свою ноту. Вместе они складывались в аккорд Защитной Гармонии — тот самый, что держал Воплей на расстоянии.

Но в семнадцатом сегменте аккорд фальшивил.

Кай остановился у развилки. Одна труба — старая, покрытая зелёной патиной, с клеймом ещё первых мастеров, — вибрировала невпопад. Он прижал ладонь к металлу и прикрыл глаза, слушая не ушами, а костями. Давление скакало. Где-то внутри был засор, а может, и трещина. Он достал щуп с резонаторным наконечником и начал простукивать трубу, методично, сантиметр за сантиметром, как учили его старые мастера.

Щуп вошёл на полметра и упёрся в препятствие. Кай надавил — и препятствие подалось, сдвинулось, словно было не твёрдым, а вязким. Он вытащил щуп. Наконечник был покрыт чёрной слизью, в которой мерцали крошечные кристаллы.

Сгусток, — понял Кай. Ртуть иногда сворачивалась в таких местах, образуя аномальные уплотнения. Их нужно было растворять кислотой или прожигать резонансным импульсом. Он полез в сумку за кислотным картриджем, но тут его рука наткнулась на что-то странное.

Карман был пуст. Кислотный картридж исчез.

Кай нахмурился. Он точно помнил, что положил его утром. Он всегда проверял инструменты перед спуском. Всегда. Это была привычка, вбитая годами работы в смертельно опасных туннелях. Он открыл сумку шире и начал перебирать содержимое. Ключи, щупы, маслёнка, камертон... картриджа не было.

И тут он услышал звук.

Это был не гул труб и не вибрация ртути. Это был... аккорд. Тихий, едва различимый, но чистый, как хрусталь. Он исходил не из трубы. Он исходил из стены.

Кай замер. Стены Органных Пещер были монолитными, вырубленными в коренной породе. Они не могли звучать. Но этот звук был. Он звал.

Он шагнул к стене и прижал к ней камертон. Вибрация прошла через сталь в кость — и вернулась эхом. Где-то за стеной была пустота. Полость, не отмеченная ни на одной карте.

Кай колебался. Инструкция предписывала немедленно доложить о любых аномалиях Инспектору Регистра. Но инструкция была написана для добропорядочных наладчиков, а не для немого изгоя, выброшенного из Хора. Никто не станет слушать его доклад. Никто вообще не захочет с ним говорить.

Он достал из сумки ключ с ударным наконечником и начал долбить стену.

Часть вторая. Находка

Камень крошился медленно. Порода была твёрдой, базальтовой, и Кай потратил почти час, прежде чем пробил отверстие, достаточное, чтобы протиснуться внутрь. Он зажёл лампу на шлеме и шагнул в темноту.

Это была пещера. Не природная — вырубленная, с ровными стенами и сводчатым потолком, на котором ещё сохранились следы резьбы. Но резьба была не имперской. Не Гармонической. Древней. Древнее самого Кархадона. Древнее, возможно, самого Перелома.

Кай медленно двинулся вперёд, вода лампой по стенам. На камне проступали изображения — фигуры людей, играющих на инструментах, похожих на гитары. Их лица были скрыты капюшонами, а вокруг них клубились волны, напоминающие нотные станы. В центре компо-

зиции возвышался менгир — чёрный, с серебряными прожилками, точно такой, какой Кай видел на старых гравюрах в запретных книгах.

Предтечи, — пронеслось в голове. Он читал о них в архивах Ордена, ещё в бытность послушником. Еретические тексты, которые выдавали только старшим инквизиторам. Тексты, за хранение которых полагалось Очищение.

Аккорд, который он слышал сквозь стену, теперь звучал громче. Он исходил из центра пещеры, из-под груды обломков, осыпавшихся с потолка много лет назад. Кай опустился на колени и начал разгребать камни.

Пальцы наткнулись на дерево.

Гладкое, лакированное, удивительно тёплое, несмотря на холод пещеры. Он отёрнул руку, но тут же снова потянулся к находке. Камни поддавались, и вскоре он извлёк на свет то, что лежало здесь, судя по всему, больше ста лет.

Гитара.

Она была чёрной, обугленной по краям, но целой. Её корпус пересекали трещины, а лампы — те, что когда-то светились ртутным светом, — потухли и покрылись пылью. Но гриф был цел, и струнные пазы — пустые, без струн, — выглядели так, словно ждали своего часа.

Кай провёл ладонью по корпусу. И в тот же миг мир исчез.

Часть третья. Отголоски прошлого

Он стоял на ледяном перевале. Ветер хлестал в лицо, неся колючую крошку, а впереди, за пеленой снежной взвеси, угадывались очертания чёрных скал. Он не видел их — он их чувствовал, всем телом, каждой костью. И он знал это место, хотя никогда здесь не был.

Рядом кто-то стоял. Девушка со светлыми, почти белыми волосами. Её губы шевелились, но слов не было слышно — только мелодия, тихая, печальная, как плач по умершему миру. И ещё кто-то — позади, за его плечом. Старик с седой бородой и пустыми глазницами. Он держал в руках такую же гитару — чёрную, с семью струнами, сплетёнными из света и тьмы.

«Ты будешь петь, даже когда умрут звёзды», — сказал старик, и его голос звучал не в ушах, а в самом сердце.

А потом — резонанс. Две частоты, сплетённые в одну. Боль и радость. Смерть и рождение. Финальный аккорд, от которого трескался лёд и раскрывалось небо.

Кай отёрнул руку от гитары и упал на спину, хватая ртом воздух. Видение исчезло, но эхо осталось — в костях, в крови, в зубах. Он трясся, как в лихорадке. Пальцы, прикасавшиеся к корпусу, горели, словно их окунули в расплавленный металл.

Гитара лежала перед ним. Молчаливая. Чёрная. И такая же живая, как в видении.

Кай знал, что должен сделать. Инструкция. Доклад Инспектору. Немедленное изъятие и уничтожение еретического артефакта. Так требовал Орден. Так требовала Гармония.

Но вместо этого он протянул руку и снова коснулся дерева. На этот раз видение не пришло. Только слабый, едва различимый гул — отголосок последнего аккорда, звучащий где-то в глубине.

«Ты не просто дерево», — подумал Кай. «Ты — память. Ты — голос. Ты — ключ».

Он поднялся, снял с плеч сумку с инструментами, освободил место и осторожно, почти благоговейно, уложил гитару внутрь. Она была лёгкой, слишком лёгкой для такого древнего артефакта. Словно большая часть её веса приходилась не на материю, а на нечто иное.

Выбираться пришлось тем же путём — через пролом в стене, затем по винтовой лестнице вверх, мимо спящих труб. Кай шёл быстро, но осторожно, прижимая сумку к груди. Он не знал, что будет делать с находкой. Не знал, кому можно довериться. Знал только одно: сдать гитару Ордену нельзя. Это будет конец. Конец чему — он не мог объяснить, но чувствовал эту истину так же ясно, как гул органа под ногами.

Когда он выбрался на поверхность, в Средний Регистр, над городом уже сгустились сумерки. Защитная Гармония звучала в полную силу, и её аккорд, чистый и холодный, разно-

сился над крышами, проникая в каждый дом, в каждую щель, в каждую голову. Люди на улицах двигались ритмично, в такт, и их лица были спокойны. Слишком спокойны.

Кай не смотрел на них. Он спешил к себе, в каморку, чтобы спрятать находку. Но на полпути его остановил звук. Не гул. Не аккорд. А ритм — быстрый, рваный, не вписывающийся в Гармонию.

Он поднял голову. У ворот Среднего Регистра, в окружении стражи, стоял караван. Десяток повозок, запряжённых гудунами, и люди — мужчины и женщины в лохмотьях, с имплантированными голосовыми связками, светящимися в сумерках синеватым огнём. Их лица были покрыты шрамами, а глаза смотрели на город с той особой смесью презрения и тоски, которую Кай видел только у изгнанников.

Шепчущие. Здесь, в Кархадоне. Такого не было уже много лет.

Он хотел пройти мимо, но одна из кочевниц повернула голову и посмотрела прямо на него. Её глаза были жёлтыми, как у волчицы, а имплантированные связки на горле пульсировали в ритме, который Кай не слышал, но чувствовал. Девушка-гончая. Она скользнула взглядом по его лицу, по сумке, прижатой к груди, и её ноздри дрогнули, словно она учуяла запах.

Запах древней песни. Запах «Молчуньи».

Кай опустил голову и быстро зашагал прочь. Сердце колотилось. Он знал: эта встреча не случайна. И то, что он нашёл в катакомбах, интересно не только ему.

Часть четвёртая. Ночной гость

Ночь пришла с тишиной. Орган Согласия умолк, и город погрузился в темноту, нарушаемую только редкими огнями масляных фонарей. Кай сидел в своей каморке, положив гитару на колени, и водил пальцами по обугленному корпусу.

Теперь, при свете лампы, он мог рассмотреть её подробнее. Это была работа мастера — не имперского, не цехового, а какого-то древнего, чьё имя давно стёрлось. Дерево было незнакомым — тёмным, почти чёрным, с серебристыми прожилками, похожими на ртутные вены. Лампы — три штуки, — когда-то встроенные в корпус, теперь потухли, но в их глубине всё ещё теплился слабый, едва заметный свет. А пазы для струн были пусты. Семь пазов для семи струн.

Семь. Эта цифра что-то значила. Что-то из забытых текстов, которые он читал в Ордене. Семь Струн Творения. Семь Частот, на которых построен мир. Ересь, разумеется. Гармонисты признавали только пять частот — по числу труб Большого Органа. Но эта гитара была создана до Гармонии. До Перелома. Возможно, до самой Катастрофы.

Он взял камертон, ударил им о колено и приложил к корпусу гитары. Вибрация прошла через дерево — и вернулась изменённой. Обогащённой. Словно инструмент ответил на его зов.

«Кто ты?» — хотел спросить Кай, но не мог.

И тогда он услышал шаги. Тихой, крадущейся поступью кто-то поднимался по лестнице. Кай вскинулся, сунул гитару под кровать и схватил ключ с ударным наконечником — единственное оружие, которое у него было.

Дверь открылась без стука. На пороге стояла та самая девушка-гончая из каравана. Её жёлтые глаза блестели в темноте, а имплантированные связки на горле пульсировали в ритме, от которого у Кая заныли зубы.

— Ты нашёл его, — сказала она. Не спросила — констатировала. Её голос был низким, хриплым, с металлическим призвуком, который давали связки. — Я чувствую. От тебя пахнет старым деревом и палёным льдом.

Кай отступил, сжимая ключ. Он не мог ответить, но его поза говорила сама за себя: не приближайся.

— Не бойся, — сказала она. — Я не из Ордена. Я — Эрга, гончая из клана Серого Камня. Мы идём по следу этой гитары уже три поколения. Она зовётся «Молчуньей». Ты знаешь, что это значит?

Кай покачал головой.

— Значит, ты нашёл её случайно, — усмехнулась Эрга. — Или это она тебя нашла. Что, впрочем, одно и то же. — Она шагнула в комнату и закрыла за собой дверь. — У нас мало времени. Инквизиторы уже знают, что в городе появился несанкционированный резонанс. Они начнут прочёсывать Регистры с рассветом. Если ты не хочешь, чтобы гитару уничтожили, а тебя — обнулили, ты пойдёшь со мной.

— Почему я должен тебе верить? — спросил Кай. Не голосом — жестом, резким и отрывистым.

Эрга посмотрела на его руки, на камертон, на шрамы на горле. Её взгляд стал мягче.

— Потому что ты немой. А «Молчунья» поёт только для тех, кто не может говорить. Так было всегда. Так говорится в пророчестве. — Она протянула ему руку. — Идём. Дорога на Ржавые Пустоши занимает три дня. А за нами уже идут.

Кай колебался. Всё в нём кричало, что это ловушка. Что Шепчущие — такие же враги, как и Гармонисты. Что доверять нельзя никому.

Но гитара под кроватью вибрировала, и эта вибрация говорила: иди.

Он взял сумку, уложил «Молчунью», затянул ремень через плечо и посмотрел на Эргу. Та кивнула и открыла дверь.

— Умница, — сказала она. — А теперь бежим.

Глава 2. Побег в диссонанс

Часть первая. Верхний Хор пробуждается

Они выскользнули из каморки Кая за минуту до того, как по лестнице загрохотали сапоги Инспекции. Эрга двигалась с неестественной, звериной плавностью, и её имплантированные связки мерцали в темноте, как второй ряд зубов на горле. Кай следовал за ней, прижимая сумку с «Молчуньей» к груди. Его сердце колотилось в ритме, не совпадающем с Защитной Гармонией, и этот сбой наверняка уже засекли датчики Ордена.

— Они идут по резонансному следу, — бросила Эрга, не оборачиваясь. — Твоя гитара звенит громче колокола. Ты это чувствуешь?

Кай кивнул, хотя она не видела. Он чувствовал. «Молчунья» вибрировала, и эта вибрация расходилась по телу, как круги по воде. Он не знал, как её заглушить. Старый войлок, обрывки которого ещё сохранились на грифе, давно истлел, а новых материалов под рукой не было.

— Не бойся, — сказала она. — Я не из Ордена. Я — Эрга, гончая из клана Серого Камня. Мы идём по следу этой гитары уже три поколения. Она зовётся «Молчуньей». Ты знаешь, что это значит?

Кай покачал головой.

— Значит, ты нашёл её случайно, — усмехнулась Эрга. — Или это она тебя нашла. Что, впрочем, одно и то же. — Она протянула ему руку. — Идём. Дорога на Ржавые Пустоши занимает три дня. А за нами уже идут.

Кай колебался. Всё в нём кричало, что это ловушка. Что Шепчущие — такие же враги, как и Гармонисты. Что доверять нельзя никому.

Но гитара под кроватью вибрировала, и эта вибрация говорила: иди.

Он взял сумку, уложил «Молчунью», затянул ремень через плечо и посмотрел на Эргу. Та кивнула и открыла дверь.

— Умница, — сказала она. — А теперь бежим.

Часть вторая. Дуэль на частотах

Они бежали через Нижний Бас, прячась в технических тоннелях и старых складах. Над головой гремел Орган Согласия, но его Защитная Гармония здесь, внизу, звучала искажённо, словно проходя через фильтр. Кай ориентировался по вибрации, Эрга — по запаху и звуку. Её связки пульсировали, улавливая малейшие отклонения в общем хоре города.

— Они идут по резонансному следу, — повторила она. — Надо уходить глубже.

Они спустились в канализационные коллекторы, где воздух был горячим и влажным, пропитанным запахом железа и плесени. Вода журчала по трубам, и в её ритме Кай различал знакомые ноты — те самые, что играли в его голове с тех пор, как он нашёл гитару.

Вода, — понял он. Она тоже поёт.

Они добрались до старого шлюза, закрытого массивной металлической дверью. Эрга приложила руку к замку, и её связки засветились синим. Замок щелкнул и открылся.

За дверью оказалась лестница, ведущая вниз, в крошечную тьму. Кай достал камертон и ударил его о стену. Звук отразился от стен, вернулся эхом — и осветил помещение слабым, но достаточным для ориентации светом.

— Куда теперь? — спросил Кай жестами.

Эрга показала налево. Они двинулись по узкому проходу, стены которого были покрыты плесенью и старыми граффити. Кай читал надписи пальцами — они были написаны шрифтом Предтеч, языком, который он изучал в Ордене. Одно из них гласило: «Звук — это память. Музыка — это душа».

Внезапно впереди послышались шаги. Не мягкие, как у Эрги, а тяжёлые, уверенные. Инквизиторы.

Кай замер. Эрга прижалась к стене, её связки пульсировали в такт его сердцебиению.
— Стоять! — раздался голос из прохода. — Имя и статус!

Кай не мог ответить. Он только поднял камертон, готовый отбить ритм сигнала бедствия.

Но Эрга оказалась быстрее. Она прыгнула вперёд, её связки засветились ярко-синим, и из горла вырвался звук — не крик, не песня, а нечто среднее. Инквизитор, оказавшийся молодым жрецом с серебряной броней, отшатнулся, зажимая уши. Его маска-усилитель треснула, и он упал на колени.

— Бегите! — крикнула Эрга, продолжая петь.

Кай рванулся вперёд, но в этот момент из-за угла вышел второй инквизитор — старший, с золотой броней и резонаторным жезлом в руке. Жезл засиял красным, и воздух вокруг него задрожал.

— Демоническая ересь! — воскликнул он. — Поглоти их, Гармония!

Жезл выпустил направленную волну звука, и Кай почувствовал, как его кости начинают вибрировать. Он упал на колени, прижимая руки к ушам. Эрга тоже согнулась, её песня прервалась.

Но «Молчунья» не молчала. Она вибрировала в сумке, и эта вибрация становилась всё сильнее. Кай расстегнул сумку, вынул гитару и прижал её к груди.

— Играйте! — крикнула Эрга, истекая кровью из ушей.

Кай не знал, как играть без струн. Но он знал, что должен попытаться. Он ударил по пустому грифу — не пальцами, а ребром ладони, как ударяют по струнам, когда хотят взять шумовой аккорд.

«Молчунья» запела.

Это не был звук в обычном смысле. Он был слишком низким и слишком высоким одновременно — частота, которой не существовало в природе. Он прошёл сквозь камень, сквозь воздух, сквозь кости. Инквизитор заорал — его броня треснула, жезл лопнул, как стеклянный, а маска-усилитель осыпалась пылью. Сам свод пещеры дрогнул, но не обрушился, а словно застыл, удерживаемый вибрацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.